

УДК 82-312.6
ББК 85.318
Х70

Lamont «U-God» Hawkins
Raw: My Journey into the Wu-Tang

© 2018 by Lamont «U-God» Hawkins. All rights reserved.
Printed in the United States of America.

Во внутреннем оформлении использовано изображение:
A_Lesik / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении переплета использованы изображения:
Cafe Racer, Giuliano Del Moretto / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Хокинс, Ламонт.

X70 Wu-Tang Clan. Исповедь U-GOD : как 9 парней с района навсегда изменили хип-хоп / Ламонт Хокинс ; [перевод с английского О. Семенюк]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-107281-0

История легендарной хардкор-рэп-группы, рассказанная одним из ее создателей, музыкантом U-GOD! Стиль Wu-Tang хорошо известен своей тяжелой музыкой и агрессивной лирикой, которая шокировала и восхищала все рэп-сообщество. U-GOD делится уроками, которые он извлек во время своего путешествия от организатора мелких проектов на Стейтлен-Айленд до уровня международной суперзвезды.

Что представлял собой Нью-Йорк в 1970–1990-х годах для молодых музыкантов из неблагополучных районов?

Каково жить в условиях, когда приходится прятать под фанатской майкой бронжилет?

Как в девяностых девять друзей, каждый мастер своего дела, каждый со своей ролью, собрались вместе, чтобы создать легендарную группу, которую вы знаете как Wu-Tang Clan?

«Wu-Tang Clan. Дао», воссозданное в легко узнаваемом стиле U-GOD, одновременно удивительное, глубокое и провокационное — настоящая духовная исповедь, которую мир никогда не видел и никогда больше не увидит.

УДК 82-312.6
ББК 85.318

© Семенюк О., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107281-0

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Начало на Стейтен-Айленде	12
Взросление на улице	30
К бою!!	40
Пятипроцентники	49
Хип-хоп как стиль жизни	58
Трещина Парк-Хилла	86
Это твоё	114
Бабки рулят всем вокруг меня	130
Enter the Wu-Tang	157
Турбулентность	166
Изнутри	176
Снова в тюрьму	190
Когда ты возвращаешься домой	204
Саблезубый тигр в студии	223
Ночь, когда земля плакала	236
Искушение	243
Гастрольная жизнь	270
Трещины в фундаменте	315
Наследие	342
Благодарности	348
Об авторе	350

ПРОЛОГ

Время ведет себя как ублюдок. Время обнажает все дерьмо. изнашивает. ломает. убивает. Разоблачает. Нет никого более величественного, чем старый Хронос.

Если умеешь ждать, время будет на твоей стороне. И если ты знаешь цену времени и умеешь выбирать правильный момент, чтобы сделать ход, то ты будешь охуенным чуваком.

Вот что я чувствую сейчас, когда пишу эту книгу. Пришло время записать все это дерьмо. Пришло время записать не только мое наследие, но и историю девяти грязных уличных бандитов, которые бросили привычную жизнь, состоявшую из разборок, разводов и попыток выжить в нью-йоркских джунглях, и превратили ее во что-то большее, чем можно себе представить, что-то, что вытаскило нас из праджектов¹ навсегда, а именно этого мы все хотели в первую очередь.

---

¹Пра́джекты — вид квартальной застройки социального жилья в Нью-Йорке.

Но для начала нам предстояло выбраться из ада. Нью-Йорк был сумасшедшим местом для взросления, особенно в 1970-х, 80-х и 90-х. Тогда вся сила была на улицах и в клубах. Это была целая эра: эра мэра Коха, эра «вмажу-тебе-по-морде» и «выхвачу-твою-сумочку». Весь наш Clan из этой эры, и мы транслируем это в нашей музыке, потому что эта эра сформировала нас, она все еще в нас живет. Мы постоянно развиваемся и меняемся, но именно из этого ядра мы черпаем вдохновение. И дело не только в том, что мы видели в то время, но и во всем, через что мы прошли.

Мы выросли в городских джунглях; они были опасны, но если ты знал правила, то мог выжить, а иногда даже и повеселиться. Там все дрались, обычно кулаками, иногда кастетом или ножом. Наркотики, конечно, были тоже, но не в таких количествах, как позже.

Когда крэк попал в мой район (Парк-Хилл на Стейтен-Айленде), эти джунгли превратились в зону военных действий. Кулаки и ножи — в пистолеты и автоматы. Под фанатскими футболками прятались бронезилеты. Улицы были усеяны пулями и трупами, и часто ты не знал, кому сегодня можно доверять. Люди, которых вы считали своими друзьями, соблазнившись легкими деньгами или дозой, часто становились ворами или грабителями.

Страх, гнев и ужас на улицах делали друзей, которым можно было доверять, еще более ценными. Так в начале 90-х девять чуваков, каждый мастер своего дела, каждый со своей ролью, собрались вместе, чтобы создать легендарную группу, которую вы знаете как Wu-Tang Clan.

RZA — Вдохновитель: от создания самой идеи Wu-Tang до сбора участников, которые выполняют его план по формированию хуков, концепций и тем наших ранних альбомов. RZA был генералом, и мы следовали его приказам. Он был умен, очень, очень умен для своего возраста. Он не был чуваком, способным подсуетиться там и тут, но, чтобы прокормить свою семью, он использовал свой великий ум и придумывал самые разнообразные способы. Wu-Tang был одним из таких способов, который поднял нас выше остальных.

GZA — Гений: обычно рядом со своим кузеном RZA. GZA поднял свои куплеты над грязными, преступными улицами, сделав их возвышенными, осознанными и экспрессивными. Когда он выпустил свой дебютный альбом *Words from the Genius* на студии Warner Bros., мы внезапно поняли, что музыка — это реальная возможность вытащить нас. Я до сих пор помню, как мы с Method Man слушали эту запись и просто кайфовали.

Method Man и Ol' Dirty Bastard — Исполнители: мы все были исполнителями, но Meth и ODB были теми, кто всегда поднимали шоу на более высокий уровень. У Meth были свой заразительный энтузиазм и природное обаяние, и он пользовался ими, когда выдавал новые танцевальные движения во внешкольном центре «P.S. 49». ODB был просто непредсказуемо диким, с безумной сценической харизмой. Из всех нас он единственный был настоящим артистом — он просто родился таким. Иногда я смотрел на него как на сумасшедшего, но он всегда знал, что делает.

Inspectah Deck — Художник: в детстве Deck всегда смотрел из окна своей квартиры на все, что происходит внизу, во дворе 160-го дома. Он впитывал это дерьмо и превращал его в яркие рифмы. Детали и слова, которые он заимствовал у репортеров новостей, просто заставляли думать, что он читает уличные новости.

Ghostface Killah — Рассказчик: вечный нарушитель спокойствия, который рано оказался на улице. Ghost делал свои истории настолько живыми и яркими, что его жизнь в его стихах кажется твоей жизнью.

Masta Killa — Натуралист: ученик GZA. Masta единственный из нас, чье первое выступление было с полным составом Wu. Его способность завуалированно преподносить себя с самого начала была неоспорима. Я знаю корни всех в Wu-Tang — всех, кроме Masta Killa. Он никогда не раскрывал все карты. И я это принимаю.

Raekwon — Делец: создатель поджанра «мафиозный рэп». Он очутился на улицах, будучи совсем мальчишкой, толкал крэк на точке в квартале от меня и Meth. Одна из моих самых первых историй о наркотиках о том, как мы с Рае пытаемся сбыть дерьмовую травку, которую нам дал его кузен Рико. Может быть, торговля наркотиками не лучшее его призвание, но это дало ему много сюжетов для рифм.

И я. U-God — Посланник: я был обычным хардкорным головорезом с мозгом, готовым заниматься любой херней, делать все по-своему и толкать наркоту, чтобы заработать себе на хлеб. Я стоял у истоков Wu: начиная с битбоксинга в коридорах 160-го с Рае и ODB, с дилерством на улицах с Meth, с разбора

первых треков на квартире RZA — я был с ними ради всего того, что есть у нас сейчас. Я шел своей дорогой, которая, конечно, имела пару поворотов, но эта дорога неумолимо вела в Wu-Tang Clan. И я каким-то образом знал это с самого начала.

Это моя история.

Это наша история.

НАЧАЛО НА СТЕЙТЕН-АЙЛЕНДЕ

Я рос суровым, грубым, диким и безумным, как и мы все в Wu-Tang, и смерть всегда была частью моей жизни.

Я помню, как впервые увидел, как кто-то умирает. Мне было четыре или пять. Мы с мамой были дома. С улицы доносилась «Loving' You» Минни Рипертон, игравшаяся на радио. Казалось, что всякий раз, когда происходил какой-то пиздец, всегда была музыка, которая его сопровождала.

А в Парк-Хилл постоянно что-то происходило. Тогда меня привлек какой-то переполюх за окном — я едва мог дотянуться до подоконника, чтобы выглянуть на улицу. Собралась толпа, поднявшая такой шум, что мы с матерью вышли из дома посмотреть, что происходит. Толпа становилась все больше и больше, и мать посадила меня к себе на плечи. Я оглядел двор и улицу. Все мои соседи, а также половина дома 260 Парк-Хилл Террас были снаружи.

Вскоре появились копы, пожарные и скорая. На крыше соседнего дома — 280 Парк-Хилл — стояла молодая женщина и собиралась спрыгнуть. Она разговаривала сама с собой и кричала на всех, пока копы пытались уговорить ее спуститься с карниза.

Я помню, как смотрел на нее, пока у меня не затекла шея. Я не понимал, что происходит и что произойдет дальше. Поначалу казалось, что с ней все будет в порядке. Она выглядела так, словно на самом деле не хотела убивать себя, но все же что-то останавливало ее от того, чтобы просто спуститься с карниза. Я все еще вижу ее лицо — измученное, искаженное отчаянием, — ее широко раскрытые глаза, уставившиеся на толпу семью этажами ниже.

Затем, не сказав ни слова и не предупредив, что ей надоело устраивать спектакль, она прыгнула — или подскользнулась и упала. Я так и не понял.

Она замахала руками и упала так быстро, что я едва успел ее заметить. Сначала она ударилась о забор, потом приземлилась на ступеньки у бокового входа. Хлынула кровь, люди закричали, а полицейские и медики подбежали к окровавленному труп. Все присутствующие, включая меня и маму, просто стояли и смотрели на тело в шоке и недоумении, пока врачи готовились ее увезти.

Звук удара о бетонные ступени будет резонировать во мне вечно. В то время я не мог понять, что может заставить кого-то покончить с собой. Пятилетний ребенок не всегда в состоянии осознать увиденное, но я чувствовал, что именно этот момент заставил меня разобраться в себе. Мне впервые пришлось задуматься о жизни и смерти.

Я один из множества детей Парк-Хилла. Кажется, что бедные люди всегда начинают с самого низа. Либо тебе удастся выбраться, либо придется застрять там на несколько поколений. Я знаю людей, которые живут на районе всю жизнь. Они никогда не двигались, никуда не уезжали, не исследовали мир за его пределами. Наверное, они довольны такой жизнью, но я рано понял, что это не для меня.

Только чистые сердцем выходят из гетто. Для меня это значит, что нужно по-настоящему верить в то, кто ты есть, и затем сосредоточиться на себе, а еще постараться не причинять никому боль, пытаюсь выбраться. Ты не потакаешь никому, не делаешь гадостей и не отпихиваешь другого, чтобы вырваться вперед.

И ты выбираешься оттуда, полный решимости, сильной воли и настойчивости на пути к тому, во что веришь. Если ты действительно веришь, что можешь стать врачом, и ты учишься на врача — это и есть чистое сердце.

Я стал автором песен, хотя в моем мире были наркотики и куча смертей, и прочая хрень, но, невзирая на всю эту драму, я оставался чист сердцем. Я никогда не продавал наркоту беременным женщинам. Я помогал старушкам спускаться по лестнице. В этой странной несправедливой обстановке мне удавалось сохранять свои моральные принципы. И несмотря на то, что я занимался дерьмовыми делами, у меня все же оставались границы, которые я бы никогда не пересек.

Я знаю людей, которые прошли через реальное дерьмо, они были ворами и убийцами, а затем изменили свою жизнь, нашли работу, завели семью

и склеили черепки своей жизни. Ты можешь думать, что из-за того, что ты убил кого-то, с тобой покончено, чувак, и что тебя это будет трогать всю оставшуюся жизнь. Но может быть и по-другому. Если человек случайно причинил кому-то боль или совершил нечто ужасное, он всегда в состоянии исправить это, начав жить от чистого сердца, выбирая праведность, а не мусор.

Я сделал свой выбор.

Моя мать родом из Браунсвилла, Бруклин. Она выросла в том же доме, что и мать Raekwon на 1543 Ист-Нью-Йорк-авеню, в Говард-Хаузес.

Кварталы Браунсвилла были самые дикие в то время. Спросите любого ньюйоркца, какая часть Бруклина самая суровая, и они ответят Браунсвилл.

По некоторым кварталам ты мог пройтись, по некоторым — нет. Однозначно нельзя было пройти ни через Браунсвилл, ни через Форт-Грин, ни через Пинк-Хаузес. Там в воздухе витали напряжение и насилие. Там всегда бывали не только драки, в которых нескольких человек порежут или заколют, но и перестрелки, иногда все это происходило одновременно. Вот почему я не люблю возвращаться к своим старым кварталам; я чувствую, что духи моих старых товарищей взывают ко мне. Они до сих пор остались в районах, в которых их убили.

Когда я был ребенком, всегда был кто-то, кто хотел украсть кроссовки прямо с твоих ног, куртку и вообще все, до чего можно дотянуться. Если ты носил золотые цепи и прочие цацки, ты был обязан уметь стрелять или драться. И копы ни хрена не делали,